

Михаил ДРОНОВ

ИЗ ИСТОРИИ БЕЛОРУССКО- РУСИНСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ (до 30-х гг. XX в.)¹

Белорусы и русины не имеют общего этнического пограничья. Несмотря на это, у них много общего. И те, и другие принадлежат к восточному славянству. О предполагаемом родстве двух народов свидетельствует даже общий корень в их современных этнонимах – *рус-*. В данной связи примечательно, что первоначально этноним *русины* бьтовал на большей части территории Древней Руси, а не только в Карпатском регионе². Не стали исключением будущие белорусские земли. К слову, русином себя называл относимый сегодня к белорусам восточнославянский первопечатник полочанин Франциск Скорина (до 1490 – не позднее 1551)³. Наименование русинами белорусов в отдельных случаях можно встретить даже применительно ко второй половине XIX века⁴. Хотя справедливости ради отметим, что на русинских территориях в то же время был более распространен этноним *руснаки*⁵.

Во избежание терминологической неразберихи следует отметить, что как белорусы, так и русины в нынешнем понимании явились продуктом определенных национальных проектов, имеющих хронологические точки отсчета и не всегда полностью распространяющихся на декларирующиеся «своими» этнические массивы. Было бы прегрешением против истины искать белорусское или русинское национальное самосознание в знакомом нам виде у деятелей прошлого. Особенно у тех из них, которые жили в донациональную эпоху или сознательно препятствовали формированию этих народов как самостоятельных единиц восточного славянства – т.е. сторонников польскости и западнороссийства в белорусском случае, русофильства (москвофильства) и украинофильства в русинском. Примечательно, что в разных регионах и с разной силой эти альтернативные концепции дают о себе знать до сего дня. Поэтому, учитывая, что «сознательные» белорусы и русины не исчерпывают всех потенциальных представителей этих народов, для упрощения повествования здесь и далее под белорусами и русинами мы будем подразумевать носителей соответствующих языковых и этнографических характеристик вне зависимости от их собственных этнонациональных представлений.

Для лучшего понимания этноязыковой дистанции между белорусами и русинами, думается, сперва имеет смысл обратиться к изысканиям выдающегося украинского языковеда Юрия Шевелёва (1908-2002). Согласно выводам последнего, сложению украинского и белорусского языков (как диалектных массивов) предшествовало существование двух родственных диалектных групп – северной и южной. Слияние южной группы с южной частью северной стало основой украинского языка, дальнейшее развитие северной части северной группы – белорусского⁶. Именно это хорошо объясняет своеобразие северного (полесского) наречия украинского языка. В этом контексте интересно, что, хотя сам Шевелёв относил говоры, понимаемые нами как русинские, к юго-западному наречию, некоторые ученые начала прошлого века (к примеру, А.И. Соболевский (1856/7-1929) считали речь Угорской Руси, т.е. главной части русинского ареала, северномалорусской⁷. Вопреки географической удаленности Карпат и Полесья, в пользу этого спорного мнения могли бы говорить исследования переселенческих процессов. Так, поразительные параллели между топонимикой Закарпатья и Житомирщины приводит ужгородский историк Сергей Федака⁸. Предполагать северноукраинский или непосредственно белорусский корень можно даже в истории конкретных подкарпатских русинских родов, генеология которых сравнительно хорошо изучена⁹.

Такие же невидимые нити связывают с северными украинцами и белорусами и географически к ним более близкую прикарпатскую часть русинской этнической территории – лемков. Именно белорусов видел в первых восточнославянских поселенцах Шляхтовой, одного из самых западных сел Галицкой Лемковщины¹⁰, Николай Малиняк (1851-1915)¹¹. О пришельцах белорусах из-за Припяти, принимавших участие в этногенезе лемков, говорит также известный исследователь лемковской культуры Иван Красовский¹².

Богатый материал предоставляет имеющее уже длительную историю сравнение фольклора белорусов и русинов, которое свидетельствует о близкородственности многих элементов.

Все это говорит о достаточно древних, хотя пока что весьма приблизительно сформулированных белорусско-русинских связях и параллелях.

Правда, неверно и преувеличивать близость белорусов и русинов. Почти как парадокс вошла в историю науки попытка крупного галицкого этнографа Владимира Гнатюка (1871-1926) применить некоторые формальные сходства между переходными украинско-белорусскими говорами и речью воеводинских русинов для доказательства восточнославянскости последней¹³. Сегодня очевидно, что, в отличие от большинства русинских диалектов и литературных языков, в структуре

«бачваньского русского языка» доминируют западнославянские (конкретно восточнословацкие) элементы¹⁴. Далеко не все общие черты в материальной и духовной культуре обоих народов целесообразно объяснять методами диффузионизма: что-то можно отнести к общей славянской архаике, особенно хорошо сохранившейся как раз в Карпатах и Полесье, а что-то, вполне вероятно, могло возникнуть параллельно, изолированно друг от друга.

Важной предпосылкой белорусско-русинских культурных контактов, несомненно, явилась принадлежность подавляющего большинства белорусов и абсолютного большинства русинов к миру *Slavia Orthodoxa*, причем конкретно к той его части, которая непосредственно граничит с миром *Slavia Romana*. Вплоть до Брестской унии 1596 г. (а по мнению канадского историка Александра Барана, и позднее) Мукачевская епископская кафедра подчинялась Киевской митрополии¹⁵, в которую также входили материнская по отношению к Мукачевской Перемышльская епархия (распространявшая свою юрисдикцию на Лемковщину) и все белорусские епархии. Принадлежность к единой церковной организации предопределяла хотя бы относительное единство культуры образованного слоя разных восточнославянских регионов – духовенства. Несомненно, были взаимные встречи (например, в центрах духовности и образования) и обмен кадрами. Так, бывший мукачевский православный епископ Петроний после ухода с кафедры в начале XVII в. странствовал по Белой Руси¹⁶. Подобные явления не приостановились и в период унии, несколько удалившей Мукачевскую епархию от северных единоверцев в юрисдикционном плане¹⁷. К примеру, в 1687-1688 гг. мукачевский епископский трон занимал белорус Рафаил Ангел Гаврилович¹⁸. Естественно, активно проносили за Карпаты и религиозные издания, в т.ч. из Вильны¹⁹.

Лемки, вплоть до разделов Польши остававшиеся с белорусами в рамках единого государства, особенно на объединяющей конфессиональной почве, имели по сравнению с угорскими русинами еще лучшие возможности для взаимных встреч и сотрудничества.

Более отчетливые контакты, уже с большим протонациональным привкусом, относятся к началу XIX в. и связаны со светской интеллигенцией. Например, сын шляхтича с Минщины, известный собиратель и популяризатор славянского фольклора Зориан Доленга-Ходаковский (настоящее имя Адам Чарноцкий, 1784-1825) поддерживал отношения с проживавшими в России уроженцами Угорской Руси Петром Лодием (1764-1829), Василием Кукольниковом (1765-1821), Иваном Орлаем (1770-1829). С последним он был особенно дружен²⁰. Небольшой фрагмент их переписки был опубликован в «Летописи Московского общества истории и древностей российских»²¹, а позднее переиз-

дан во Львове Илларионом Свенцицким (1876-1956)²². Важно отметить, что именно указанные карпатороссы по сути первыми познакомили образованное общество России с фактом проживания за Карпатами русинов.

Связи с белорусской темой можно особенно проследить у сына В. Кукольника литератора Нестора Кукольника (1809-1868). Некоторое время он проживал в Вильно, а одним из его ближайших друзей был белорус, выдающийся композитор Михаил Глинка (1804-1857)²³. Изучением связей писателя с представителями различных национальных движений успешно занимается таганрожский исследователь Александр Николаенко, прямо утверждающий об интересе Кукольника к истории Белоруссии²⁴.

В свете белорусско-русинских культурных контактов возникает очень важный и по-своему интригующий вопрос: что в это же время знали друг о друге представители белорусского и русинского простонародья? Теоретически познания отдельных индивидов могли определяться собственным опытом. Верующие белорусы и русины могли сталкиваться в традиционных центрах восточнохристианской духовности – сравнительно мало удаленных от белорусского региона Почаеве, Киеве и других местах, куда, несмотря на политическую границу, не зарастала народная тропа из русинских земель. По всей Российской империи и, следует думать, также Белоруссии, ходили всевозможные ремесленники и торговцы из Австро-Венгрии, например, спишские дротари. Лучше узнать друг друга помогали походы российской армии (1799-1849), в которой были представители разных этносов, в т.ч. белорусы. Особенно продуктивной в этом познании стала первая мировая война, в результате которой российские военные провели значительную часть времени в русинских регионах, а солдаты русины австро-венгерской армии имели возможность ближе присмотреться к пестрому населению России, находясь в плену. То же касается и русинских беженцев, снимавшихся с родных мест вместе с отступавшей на восток царской армией.

Местом живых белорусско-русинских встреч, начиная с последних десятилетий XIX в., стали США. И российские подданные белорусы, и австро-венгерские русины в поисках заработка массово эмигрировали на американский континент. Численность первых в некоторые периоды превышала численность эмигрантов великоросов²⁵. Русины, а именно выходцы из Угорской Руси и самых западных повоев Галиции (лемки), в свою очередь, численно опережали восточных галичан, у которых более широко распространилась и впоследствии победила украинская идентичность. Учитывая тогдашнюю незаконченность национальных процессов и бытование тесно связанных с религией (или об-

рядом) общевосточнославянских представлений, этнические белорусы и русины, таким образом, составляли в дореволюционное время большинство американских «русских». Поскольку в начале 90-х гг. XIX в. русинов было значительно больше, выходцы из западных российских губерний стремились к перешедшим в Америке в православие карпатороссам, идейным вождем которых был о. Алексей Товт (1854-1909). Летописец «Американской Руси» протопресвитер Петр Коханик (1880-1969) пишет о «православных русских из Минской, Киевской, Черниговской²⁶ и других областей», обратившихся с просьбой о духовном окормлении к о. Товту²⁷. Как, несколько блуждая в терминологии, отмечает Коханик, «в тех местах, где братья русские (из Российской империи – М.Д.) составляли меньшинство по сравнению с карпатороссами, они присоединялись к их готовым русским приходам, а в тех местах, где они чувствовали себя значительно сильнее, они начинали основывать свои русские приходы»²⁸. Под русскими из России в данной цитате следует подразумевать, главным образом, белорусов и малоросов. Хотя из этого же отрывка следует и определенная культурно-языковая дистанция, побуждавшая последних при благоприятных обстоятельствах отделяться от русинских и создавать собственные церковные приходы. Специфика белорусско-русинских связей за океаном еще ждет своего исследователя. Крайне интересно выяснить, были ли какие-то взаимные контакты между уже «сознательными» белорусами и русинами, особенно на фоне того, что белорусы в эмиграции нередко прекрасно уживались с украинцами, в т.ч. в рамках единых украинско-белорусских организаций²⁹.

Наверное, самый пик взаимных встреч и контактов белорусов и русинов пришелся на межвоенный период. Лемковщина и западнобелорусские земли составили бастион восточнославянских территорий соответственно на юго-востоке и северо-востоке возрожденной Речи Посполитой. Интеллигенция и тех, и других неминуемо встречалась на почве организаций «общерусской» ориентации и, шире, в рамках солидарности национальных меньшинств Польши. С того же периода лемки и белорусы активно сотрудничали на ниве православия, массовые переходы в которое униатов лемков относятся как раз к межвоенным годам. К слову, до сегодняшнего дня священники-белорусы не редкость на лемковских приходах Польской православной церкви.

После прихода к власти большевиков многие белорусы оказались вдали от родины, в т.ч. в славянской Чехословакии. Большинство эмигрантов направлялось в ее крупные центры, располагавшиеся преимущественно на западе республики. Туда же, в Прагу, Брно и др. города, в связи с централизацией государства устремлялись русины из Под-

карпатской Руси и Восточной Словакии. Их пути там иногда пересекались.

Например, до основания пражского прихода Пряшевской греко-католической епархии верующих греко-католиков духовно окормлял белорус о. Трофим Семяцкий³⁰. Примечательно, что пражские русины, в целом дистанцировавшиеся от принятых в России форм византийского обряда и добивавшиеся, чтобы все было «по-своему» (т.е. по-подкарпатски), доверяли Семяцкому, вероятно, даже больше, чем другим неподкарпатским священникам³¹. В жизни прихода он участвовал и позднее, в т.ч. в период, когда настоятелем стал будущий вспомогательный епископ Пряшевской епархии Василий Гопко (1904-1976).

В межвоенный период свои белорусы появились и в местностях с преобладающим русинским населением. Например, в 20-30-е гг. на Подкарпатской Руси проживала и вела активную общественно-политическую деятельность уроженка Витебской губернии Екатерина Брешко-Брешковская (Вериго) (1844-1934), российская революционерка-народница, известная как «бабушка русской революции»³².

Авторитет на Пряшевщине сыскал православный священник и народный целитель о. Омелянович, который, по словам исследователя И. Шелепца, гордился своим белорусским происхождением. После второй мировой войны он издал катехизис для украинских начальных школ региона³³.

Белорусом, вероятно, также являлся уроженец Виленщины греко-католический священник Роман Янкевич (1902-1951)³⁴. Белорусские корни можно предполагать у литератора русского зарубежья Николая Мазуркевича, некоторое время проживавшего в Восточной Словакии. Возможно, со временем мы узнаем и новые белорусские имена в связи с Подкарпатской Русью и Пряшевщиной.

И снова коснемся народного восприятия белорусов и русинов друг другом. Интересное свидетельство об этногеографических представлениях западных полешуков до 1939 г. приводит минский языковед Федор Климчук. Так, коренные жители Западного Полесья различали в рамках некоей «русской» (восточнославянской) общности наряду с собой («местными русскими») - носителями брестско-пинских и северноволыньских говоров) еще порядка десятка групп. В т.ч. они знали «австрийцев» - галичан, буковинцев и закарпатцев. Само данное обозначение, да еще именно в рамках «русских», на наш взгляд, - свидетельство более близкого знакомства с «австрийцами» в течение и после первой мировой войны. Также их часть, а конкретно галичане – украинцы Восточной Галиции и русины-лемки Западной, как уже было сказано, вновь оказались в межвоенный период в рамках одного государства с полешуками и белорусами. По словам Ф. Климчука, «в 20-е

- 30-е годы XX в. (*полецуки – М.Д.*) знали о Закарпатской Руси»³⁵, что, вероятно, являлось отзвуком формального статуса автономной республики у Подкарпатской Руси в составе I ЧСР. Таким образом, определенная информация о русинах у полецуков была. Есть все основания по аналогии предполагать, что была она и у их северных соседей – собственно белорусов³⁶.

На основании даже поверхностного знакомства с межвоенной русинской периодикой различных национальных ориентаций можно прийти к выводу, что о белорусах, как населении не идентичном ни великорусам, ни украинцам, уже знали и широкие слои русинов. Этому, видимо, поспособствовало создание БССР и доходившие известия о национальной жизни белорусов в соседней Польше.

Приведенный нами краткий обзор, естественно, не претендует на полноту освещения интересующей проблематики. Тематика конкретно белорусско-русинских (вне контекста широких белорусско-малорусских или белорусско-украинских) культурных контактов по ряду причин (в первую очередь, исторической и географической) не удостоивалась отдельного внимания исследователей. Вместе с этим, культурные контакты белорусов и русинов, изначально имеющих множество общих и близких черт, заслуживают глубокого изучения, в т.ч. для лучшего понимания места обоих народов в рамках славянства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Доклад на международной научной конференции «Словацко-славянские языковые, литературные и культурные связи» (Пряшев, 5-6 октября 2006 г.). Краткий вариант был прочитан на научно-практической конференции «Русинская культура. История и перспективы» (Ужгород, 29 октября 2006 г.).

2. См. известную статью Георгия Геровского: *Геровский Г.* О слове «русин» // Пути истории. Общерусское национальное, духовное и культурное единство на основании данных науки и жизни. Под ред. О.А. Грабаря. Т. I. Нью-Йорк, 1977. С. 5-6. См. ее переиздания в: Украина – это Русь. Литературно-публицистический сборник. Под ред. М.И. Туляницы. СПб., 2000. С. 125-127; *Суляк С. Г.* Осколки Святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии. Кишинев, 2004. С.190-192. Квинтэссенцию украинофильских взглядов на проблемы восточнославянской этнонимии, заметно сужающих ареал этнонима *русины*, см. в работе: *Наконечний Є.* Украдене ім'я: Чому русини стали українцями. Львів, 2004.

3. *Котлярчук А.С.* Самосознание белорусов в литературных памятниках XVI-XVIII вв. // Русь – Литва – Беларусь. Проблемы национального самосознания в историографии и культурологии. По материалам международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Н.Н. Улащика (Москва, 31 января 1996 г.). М., 1997. С. 85.

4. См., например: Западные окраины Российской империи. Под ред. М. Долбилова, А. Миллера. М., 2006. С. 170.
5. Чучка П. Українське питання в дзеркалі власних назв Підкарпатської Русі // Закарпатська Україна у складі Чехословаччини (1919-1939). Збірник матеріалів 6-ої наукової карпатознавчої конференції. Пряшів, 2-4 вересня 1998. Пряшів, 2000. С. 309.
6. Шевельов Ю. Історична фонологія української мови. Харків, 2002. См. доступную интернет-версию, использовавшуюся и нами: <http://litopys.org.ua/shevelov/shev08.htm> (проверено 04.10.2006).
7. Геровский Г. Язык Подкарпатской Руси. Пер. с чешского. М., 1995. С. 13.
8. Федака С. Закарпаття у I тисячолітті // Альманах Українського Народного Союзу 93. Парсипані, Нью-Джерсі, 2003. С. 94-95. Приводим по: Найпавер К. Від Кельтської Русинії до Київської Русі. Ужгород, 2006. С. 9, 57. Из ошибочной ссылки, данной Камиллом Найпавером, неясна датировка указанного альманаха (1993 или 2003).
9. Например, предки епископа Мукачевского Андрея Бачинского (1732-1809) пришли из тогдашней Литвы на Галичину, откуда позднее их часть переселилась на Угорскую Русь. См.: http://mysite.com.ua/xdem3430/pagesxdem3430/1_1.html (проверено 04.10.2006).
10. Точнее, этноязыкового острова - Руси Шляхтовской.
11. Курило Т. Лемки с над Руского Потока // Календар «Лемка» на звичайний рік 1935. Перемышль, б.г. С. 149.
12. Красовський І. Прізвища галицьких лемків у XVIII ст. Львів, 1993. С. 12-13.
13. Шелепець Й. Діалектологічні дослідження В. Гнатюка // Науковий збірник Музею української культури в Свиднику. Т. 3. Пряшів, 1967. С. 90.
14. Дуличенко А. Воеводинские русины и их язык: история, статус, перспективы // Slavica Tarnopolensia. 1995, № 2. С. 18.
15. Баран О. Впливи Київської і Галицької митрополій на Закарпатті // Українські Карпати. Матеріали міжнародної наукової конференції «Українські Карпати: етнос, історія, культура» (Ужгород, 26 серпня – 1 вересня 1991 р.). Ужгород, 1993. С. 50-51.
16. Пекар А.В., ЧСВВ. Нариси історії Церкви Закарпаття. Рим-Львів, 1997. Т. I. С. 181.
17. После заключения Ужгородской унии (1646) Мукачевская епархия попала в зависимость от Ягерского римско-католического епископа.
18. Пекар А.В., ЧСВВ. Указ. соч. С. 185.
19. См., например: Šelepec J. Vychodoslovanské tlače do r. 1800 v ŠVK Prešov. Prešov, 1989. S. 14, 25 (№ 45).
20. Дей О.І., Малаш Л.А. Піонер слов'янської фольклористики та його українські записи // Українські народні пісні в записях Зоріана Доленги-Ходаковського. Київ, 1974. С. 26-27.
21. Летопись Московского общества истории и древностей российских. Кн. III. Ч. III. С. 60-62. Приводим по: Дей О.І., Малаш Л.А. Указ. соч. С. 27.

22 См.: Материалы по истории возрождения Карпатской Руси. I. Сношения Карпатской Руси с Россией в 1-й половине XX века. Собрал И.С. Свенцицкий. Львов, 1905. С. 25-30.

23. Николаенко А. Н.В. Кукольник // Русин (Кишинев). 2005, № 1. С. 122, 130.

24. Николаенко А. Учитель и его ученики // Русин (Кишинев). 2006, № 3. С. 170.

25. Нитобург Э.Л. Русские в США. История и судьбы 1870-1970. Этноисторический очерк. М., 2005. С. 28-29.

26. Примечательно, что если жителей юга преимущественно белорусской Минской губернии авторы начала века относили к малорусам, население северной части формально малорусской Черниговской губернии (ныне – западных районов Брянской области Российской Федерации) почти повсеместно атрибутировалось как белорусское. См., напр.: Котлярчук А. На сумежжы трох славянскіх культур: беларусы Бранскага краю // Беларусіка-Albaruthenica. Кн. 17. Беларуская дыяспара як пасрэдніца ў дыялогу цывілізацый. Матэрыялы III Міжнароднага кангрэса беларусістаў «Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый» (Мінск, 21-25 мая, 4-7 снежня 2000 г.). Мінск, 2001.

27. Коханік П., протопрэсвітер. Начало истории Американской Руси // Прикарпатская Русь под владением Австрии. Trumull, Connecticut, 1970. С. 500.

28. Там же. С. 501.

29. См., например: Снапковский В. Белорусская эмиграция // Белоруссия и Россия: общества и государства. М., 1998. Используемая нами интернет-версия: <http://www.yabloko.ru/Themes/Belarus/belarus-31.html> (проверено 04.10.2006).

30. Подробнее о Т. Семяцком см. в: Василий, ЧСВ, диакон. Леонид Федоров. Жизнь и деятельность. Рим, 1966. С. 740-741.

31. В частности, к такому мнению можно прийти, знакомясь с документами Инициативного комитета по основанию греко-католической parroхии (прихода) в Праге. Верующие одобрили предложение, чтобы до приезда «своего» священника богослужения проводил о. Семяцкий. См.: Archív Gréckokatolíckeho biskupstva v Prešove, Bežná agenda, Spisy, inv. č. 442, sign. 213.

32 Поп И. Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2006. С. 125.

33 Šelepec J. Literárny život ruskej, ukrajinskej a bieloruskej emigrácie na východnom Slovensku // Ruská a ukrajinská emigrácia na východnom Slovensku v rokoch 1919-1945. Harbuľová L., Ňachajová M., Babotová Ľ. (eds). Prešov, 2006. S. 58.

34 Babjak J., SJ. Zostali verní. Osudy gréckokatolíckych kňazov. Košice, 1999. S. 57-59.

35 Климчук Ф.Д. Этногеографические представления полешуков (Западное Полесье до 1939 г.) // Полесье и этногенез славян. Предварительные материалы и тезисы конференции. М., 1983. С. 40.

36 Ориентируясь на языковые данные, большинство исследователей прошлого относило западных полешуков к малорусам. В настоящее время они в значительной степени приняли белорусскую национальную идентичность.